

ДАНИЭЛЬ БРЭЙН

НИЧЕГО ЛИЧНОГО,
ПРОСТО РАЗВОД

RUGRAM

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
Б89

Брэйн, Д.

Б89 Ничего личного, просто развод / Д. Брэйн. — М. : Т8
Издательские технологии / RUGRAM, 2024. — 232 с.

ISBN 978-5-517-11537-9

Я растерянно смотрела на две полоски.

— Ты вот так сообщаешь, что мы разводимся?

У моего мужа — огромное состояние и роман на стороне, а у меня — диагностированное бесплодие и неденежная любимая работа. У него — планы сохранить нашу семью, а у меня — решимость начать все сначала.

Вряд ли выйдет, потому что на горизонте появляется перспективный клиент — из тех, кого хочется обойти десятой дорогой, но он хорошо платит — и проявляет ко мне далекий от профессионального интерес.

И пока я пытаюсь справиться без потерь, жизнь нахально иронизирует: «Прекрасные принцы кончились, козлы остались, пойдете?»

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
ВІС FС
ВІSAC FIC000000

© Брэйн Д., 2024
© Хаимович С., оформление, 2024
© RUGRAM, 2024

ISBN 978-5-517-11537-9

© Т8 Издательские технологии, 2024

Глава 1

Я растерянно смотрела на две полоски.

— Ты вот так сообщаемь мне, что мы разводимся?

У меня даже мысли не возникло, что это розыгрыш. Марк не похож на шутника и никогда им не был. Серьезный, вдумчивый, вечно занятый, а когда не занятый, порядочный семьянин...

Семьянин, но есть одно «но». Две полоски сами по себе не заводятся. Я вздохнула — хотела полной грудью, но тело свело непонятной судорогой, и получился страдальческий всхлип. Не так бы я хотела реагировать на измену. Вскочить, кричать, дать пощечину человеку, который вдруг посчитал, что со мной можно поступать как с последним ничтожеством, но... вместо бури в душе — ледяная пустыня. Антарктика.

Я крутанула на столе смартфон, на экране которого погасло убившее меня морально фото, и подвинула его к мужу.

— Юля... Ты же все понимаешь, — хрипло сказал Марк и скривил губы. Я кивнула и посмотрела ему в глаза — без страха, без стыда и что он еще хотел у меня этой репликой вызвать.

Два года лечения. Три неудачных ЭКО. Каждый врач ставил свой диагноз и начинал меня лечить, и когда надежда

вот-вот подкрадывалась, когда я себе позволяла наконец свободно вздохнуть, отпустить ситуацию, положиться на докторов — или на провидение, если доктора не помогут, случалось... то, что случалось. И мне казалось, Марк понимал, поддерживал, уговаривал не сдаваться, а вышло как вышло.

Может быть, вышло случайно. Я хорошо понимала, что при его напряженной работе он вряд ли целенаправленно искал мать своего будущего ребенка.

— И кто она? — спросила я, все еще не отводя взгляда, и Марк сдался. Он встал, отошел к кофемашине, запикал кнопками, а я сидела, ловила звуки с улицы — смех подростков на тренажерной площадке, жужжание ворот, впускавших припозднившиеся автомобили, негромкую музыку из чьего-то распахнутого окна, и вдыхала запах, поплывший по нашей кухне.

Марк все не отвечал, а я не настаивала. Наверное, разницы не было никакой в том, кто сменит меня в этом доме. Или не в этом, квартира будет другой, но даже если Марк решит оставить мне это жилье, я буду с ним не согласна. Не хочу, чтобы все вокруг напоминало мне о шести годах разбитого вдребезги брака.

Все было почти хорошо. Кроме ребенка, которого я никак не могла зачать.

— Юля, — Марк повернулся, держа в руке крошечную фарфоровую чашку — ристретто, значит, он и сегодня планирует сидеть допоздна, или точнее, до рассвета, — кто она, значения не имеет. Я показал тебе это для того, чтобы никто не мог подставить меня, понимаешь? Полная честность между нами, ты помнишь?

— Кристальная, Марк, — усмехнулась я, все еще прислушиваясь к себе и своим ощущениям. Ничего — ни боли, ни

чувства предательства, вот точное слово — разочарование. Будто я развернула долгожданный и выстраданный подарок, а там ерунда, одноразовые платочки, три пачки. И нет, не обида, пока что еще не она. — Ты хоть сам осознаешь, что ты сделал? Помимо того, что ребенка на стороне? Ты меня взял и смешал с грязью!

Я поймала себя на том, что мне хочется вскочить, выбить у него из рук эту дурацкую чашку, чтобы на белоснежной даже после целого рабочего дня рубашке осталось пятно. Горячий, обжигающий кофе, а пятно — словно метка.

— Юля, не драматизируй, — недовольно попросил Марк.

— «Драматизируй»? — сквозь зубы передразнила я. — То есть другая женщина для тебя — что? Просто секс? На один раз? А о последствиях ты как студент третьего курса не подумал?

Марк, похоже, заподозрил, что подо льдом просыпается гейзер, и сел напротив меня. Разумно, потому что через широкий стол я никак не могла до него дотянуться.

— Бывает, — отозвался он с деланным равнодушием. — Послушай, ровным счетом это ничего не изменит. Я же не собираюсь ей платить двадцать пять процентов дохода, это смешно. Договорюсь на сто пятьдесят тысяч в месяц с учетом инфляции, плюс тысяча двести на летний отдых с ребенком. Ну потом, лет через пятнадцать, тысяча триста на репетиторов в год.

— Ты уже все распланировал. Ну ты и дрянь.

Гейзер обдал меня болезненной горячей вспышкой. Даже не потому, что Марк изменил. Не потому, что заделал ребенка. А потому, что успел рассчитать все на девятнадцать лет вперед и сейчас ставил меня в известность, словно речь шла о чертовых инвестициях.

— Юля, мы не заметим эти сотни! — Марк повысил голос. — Не дури, если бы ты жевала лебеду и одевалась на помойке, а я бы взял любовнице в кредит смартфон за сотню тысяч, твои оскорбления имели бы смысл. Но ты же ни в чем не нуждаешься, ни в чем. Какой развод, разве я заикнулся о разводе? Я не собираюсь с тобой разводиться, даже пусть...

Он замолчал и присосался к чашечке. Понятия не имею, что он пытался выжать из нее, ристретто уже закончился.

— Договаривай, — злобно приказала я. — Даже пусть я бесплодна? Даже пусть — что еще?

— Ты умная, спокойная, без задвигов, — пожал плечами Марк. — Другая бы уже перебила стекла в этой квартире и принялась за соседские. Я уже не говорю о том, что у тебя нет манеры собираться по три часа, устраивать вселенскую трагедию из-за сломанного ногтя или, не дай бог, из-за того, что в ресторане другая баба в такой же шмотке. Ты идеал, Юля, как жена. А дети... — Щека у него дернулась, он облизал губы, поставил чашечку. — Как вариант, я договорюсь с ней, и, возможно, она откажется от ребенка. Мы его усыновим. Если ты, конечно, захочешь.

Я отказывалась верить тому, что слышу. Еще раз судорожно всхлипнув, я провела ладонью по лицу, размазывая макияж, который стоически вытерпел день под солнцем, и откинулась на спинку стула.

— Ты в свое уме? — спросила я придушенно. — Ты здоров? Ты изменил, ты зачал ребенка, ты хочешь сохранить брак, а чтобы никто не чувствовал себя обделенным, собираешься — о господи! — выкупить ребенка у матери? Или что? Как ты себе это представляешь? По закону — ладно, морально? Ты вообще человек или тебя подменили? Ты робот с поехавшей напрочь программой? Ты болен, это какой-то

вирус? Или ты просто конченный подлец, а я жила с тобой шесть лет, об этом не подозревая?

Если бы у меня не начало резать горло, я не поняла бы, что я наконец ору как умалишенная, и если бы не защипало глаза, до меня не дошло, что я реву как обиженный старшим ребенком малыш. Но, кажется, я этого и хотела — нормальной человеческой реакции на скотство, а не проявление профессионализма, который я забыла оставить на работе.

— Иди к черту, — я вскочила, схватила со стола свой телефон. — Ты не собираешься разводиться — я разведусь. И у тебя не пройдут со мной эти шутки — «я развода тебе не дам». Надоест твоя новая... пассия, с ней попробуешь этот цирк. Завтра я позвоню Ларисе, она соберет все мои вещи и драгоценности. Предупреждаю, чтобы ты не вздумал обвинить ее в воровстве.

Я выскочила в холл, сунула ноги в лоферы, схватила куртку — уже прохладно, несмотря на жаркие дни, ночью уже хватало сырости, а может, это меня затопило ознобом, — сумку, и почувствовала, как Марк перехватил ее за длинную ручку.

— Ну нет, — спокойно сказал он, глядя мне прямо в глаза. — Уйдешь ты отсюда, как и полагается — как пришла. Без дизайнерских шмоток и цацок, на которые средняя семья в стране будет три поколения безбедно жить.

Ключи от машины были в кармане куртки, документы — в машине. Я предполагала, что Марк не станет вытряхивать меня из куртки и джинсов, хотя как знать.

— Телефон тоже заберешь? — прищурился глаз — черт, как же больно, словно в меня всадили нож, зачем я хотела, чтобы мне стало так больно? Дура! — спросила я, вложив в голос максимум возможной иронии. — Госуслуги, банк, налоги, прочие персональные данные?..

Я развернулась, щелкнула замком и выскочила на лестничную площадку. Дверь квартиры должна была благополучно захлопнуться, но нет, уже стоя перед лифтом, я услышала негромкое:

— Долго ты не пробегаешь. Через пару дней явишься покайная, и прекрасно знаешь почему.

Двери лифта разъехались.

Да, знаю. Но постараюсь не вернуться.

Глава 2

В замкнутом пространстве кабины лифта настигла будто с пистолетом у виска мысль, что в случившемся есть и моя вина.

Марк никогда не ставил мне в упрек, но я знала, что он хотел семью с уютным домом, коричневым запахом выпечки и детским смехом. Вместо лучезарной волоокой красавицы в длинном свободном платье, хлопчущей по хозяйству, появилась я — замороженная карьеристка, паршивая кулинарка, к тому же бесплодная. Все его мечты полетели в тар-тарары, и где-то его предательство было объяснимым.

Двери лифта разъехались на подземной парковке, и беспощадная логика проснулась и резким движением вышибла пистолет у чувства вины. Марк видел, на ком женился. Он не мальчик, у которого сорвало предохранители, и не клинический дурак... им запрещено вступать в брак. Его, как он верно заметил, устраивало, что я не впадала в истерики, не била посуду, не обнюхивала пиджаки на запах чужих духов, лояльно относилась к корпоративам, не тащила его в ночные клубы и театры, не ревела из-за того, что юбка в талии стала мала. Со мной можно было разговаривать и договориться, обсудить сложную ситуацию в бизнесе, и я — боже мой! — даже могла дать толковый совет.

А когда меня раз в четыре недели припирало, я доставала обезболивающее из аптечки и никому не выносила мозги.

Так какого же черта ему показалось мало?

Я пискнула ключом, уселась в машину и, хотя прекрасно знала, что все документы здесь, открыла бардачок и убедилась. Паспорт, доверенности, техпаспорт, водительское удостоверение, СНИЛС и свидетельство о присвоении ИНН. Один раз, еще очень давно, будучи студенткой, я сломя голову возвращалась с полдороги из-за забытого паспорта и теперь сократила дистанцию от зала суда до ближайшей парковки.

Большого мне, кажется, от жизни не нужно? Документы, машина и ехать куда глаза глядят.

Я завела машину и выехала на улицу. Стемнело, город затих, и было странно, что где-то в пятиста метрах отсюда, на бульварах, даже сейчас кипит жизнь, гуляют люди, носятся дети на самокатах, играет музыка, сияет иллюминация. Здесь, в комплексе отреставрированных особняков девятнадцатого века, было безмолвно, как в лесной чаще. Здесь люди платят за близость к центру и покой.

Покоя мне не видать. Он мне и сниться не будет.

Машина — все, что у меня осталось. Я без всякой задней мысли посоветовала ее оформить на моего отца, потому что он был зарегистрирован в области и страховка с налогом были на порядок дешевле. Марк не спорил, а отца уже полтора года как не было в живых, и я унаследовала собственную машину.

Теперь мне придется ее продать, и часть моих предстоящих расходов это покроет.

Я встала в хвост на перекрестке, ожидая зеленый сигнал. Телефон, планшет в офисе, там же — ноутбук, принтер, сканер, копир, все это мне нужно, без этого я не смогу. У меня есть немного денег — все, что я заработала сама и как-то